

Узлы и пружины памяти

ROZHDESTVENSKAYA E., SEMENOVA V., TARTAKOVSKAYA I., KOSELA K. (EDS.). (2016). COLLECTIVE MEMORIES IN WAR. LONDON: ROUTLEDGE. 196 P. ISBN 978-1-13-893548-8

Наталья Веселкова

Кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии
Института социально-политических наук Уральского федерального университета
Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: vesselkova@yandex.ru

Сборник «Коллективная память о войне» (Collective Memories in War) вышел в серии «Исследования в Европейской социологии», издаваемой Европейской социологической ассоциацией. Он знакомит англоязычного читателя с исследованиями памяти в России и Польше (основной состав авторов представляют эти страны), а также в Чешской Республике и Украине. В центре внимания зарубежных ученых — историческая политика и память о различных аспектах Второй мировой войны, российские социологи анализируют преимущественно коллективную память о советской войне в Афганистане. Теоретико-методологической основой служат классические работы М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассман, идеи критической теории А. Грамши, М. Фуко и др., в отдельных статьях используются концепции социальных движений и идентичности, травмы, теория языковых игр, габитусной памяти и т. п. Эмпирическую базу составляют исследования, выполненные в качественной и количественной методологии: опросы по общенациональной выборке в Польше и Чешской Республике, фокус-группы, наблюдения, биографические интервью. Пять разделов книги содержат статьи об исследовании исторической политики и исторического сознания с акцентом на изменения после 1989 г., особенностях проговаривания, нарративизации памяти, изучении городских военных мемориалов, музеев и ветеранских веб-сайтов. Отдельные разделы посвящены анализу учебников новейшей истории в разных странах и гендерной проблематике.

Ключевые слова: коллективная память, историческая политика, Вторая мировая война, Афганская война, места памяти, нарративизация памяти

Конфликт между историей и памятью, без малого сто лет назад вызвавший к жизни штудии М. Хальбвакса, а затем, в конце XX в., и «переоткрытие» его идей, далеко не исчерпан. Об этом свидетельствуют и регулярно скандализирующие медийную повестку различные сюжеты¹, и актуальные инициативы художников,

© Веселкова Н. В., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-3-196-212

1. Например, весной 2016 г. одним из таких сюжетов стало столкновение позиций (бывшего) директора Государственного архива РФ и министра культуры по вопросу о 28 панфиловцах и, шире, о «развенчании мифов»; летом — столкновение интерпретаций по поводу выпущенных Центробанком РФ монет «Города — столицы государств, освобожденные советскими войсками от немецко-фашистских захватчиков» с изображением советских памятников в Белграде, Будапеште, Варшаве, Вильнюсе и т. д., в некоторых случаях уже демонтированных.

активистов, ученых. Так, в 2014 г. для защиты профессионального исторического знания, содействия его распространению в условиях вала «мракобесных публикаций» и «политически ангажированных атак» в России было создано Вольное историческое общество (ВИО, 2014).

Выпущенный издательством Routledge в 2016 г. сборник «Коллективная память о войне» (*Collective Memories in War*) работает с памятью об исторических событиях на социологическом поле. Пожалуй, можно сказать, что один из авторов, А. Ваньке, в своей статье выразила его общий принцип: «Я не пытаюсь установить „истину“ [об Афганской войне], меня интересуют средства и механизмы воспроизводства памяти» (р. 178).

Данное издание — 21-й том в серии «Исследований в Европейской социологии» (*Studies in European Sociology*), выпускаемой Европейской социологической ассоциацией, и первый — с внушительным участием российских ученых (ими написаны 9 из 14 статей). Редакторы сборника — известные российские социологи: профессора Елена Рождественская и Виктория Семенова, старший научный сотрудник Института социологии РАН Ирина Тартаковская, а также профессор, декан факультета философии и социологии Варшавского университета Кшиштоф Косела. В основу статей российских участников легли материалы проектов: российско-польского «Историческая память как инструмент социализации и идентификации: сравнение России и Польши» (2009–2011 гг., под рук. В. В. Семеновой)² и российского «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории» (2014–2016, под рук. В. А. Ядова); в текстах польских социологов использованы также данные массовых опросов по общенациональной выборке (ОВОР 2007, CPOS 2010), информация о них суммирована в Приложении (р. 188–189). В ряде статей также даются ссылки на другие проекты, например у И. Шубрта — на большое исследование «Историческое сознание», проведенное в 2009–2011 гг. в Чешской Республике и соединяющее качественные и количественные методы (р. 31).

Введение сообщает о различии событийных фокусов: польские авторы сосредоточили внимание на Второй мировой войне, а российские — на советской войне в Афганистане (р. 3), но есть и другие отличия. Социологи из Польши и Чехии говорят об исторической политике своих стран, взаимодействию официальной и неофициальной памяти; российские исследователи почти не используют эту терминологию и анализируют прежде всего коллективную память определенного сообщества, ветеранов Афганистана (исключение составляют публикации М. Черныша и Е. Полухиной и А. Малюгина, но и здесь концепция исторической памяти не используется). Объединяет работы разных авторов интерес к теориям идентичности, общим пунктиром через книгу проходит направление критической

2. С некоторыми наработками польских и российских участников проекта, которые вошли в настоящий сборник, можно познакомиться в выпуске журнала «ИНТЕР» (2011, № 6), целиком посвященном феномену памяти в социальных исследованиях; статьи В. Семеновой — в книге «Власть времени» (Семенова, 2011).

мысли, питающееся идеями Грамши, Фуко, Делеза (гегемонии, знания-власти, деконструкции и т. п.).

Сборник состоит из пяти частей. Хотя все тексты самостоятельны и не содержат отсылок друг к другу, первый раздел «Политика истории и памяти в различных социокультурных контекстах», как и положено, служит своего рода теоретическим введением. Открывает его работа **Михала Лучевского, Паулины Беднарц-Лучевской и Томаша Маслянки**, где сравнивается политика истории в Польше и Германии после 1989 г. Базовое понятие, вынесенное, как мы видели, также и в название раздела, — «политика истории» — определяется как идущая сверху вниз государственная практика, целью которой является создание, распространение и закрепление определенных образов прошлого. Данный феномен прослеживается через создаваемые государством места памяти (*sites of memory, SOMs*)³ — музеи, мемориалы, монументы. Английский язык позволяет подчеркнуто отличать это понятие от мест памяти в более широком смысле П. Нора (*realms of memory, p. 11*)⁴.

Авторы усматривают ряд параллелей между постнацистской Германией и посткоммунистической Польшей. Сравнение политики истории в двух странах осуществляется через три типа месседжей, которые реализуют государственные места памяти: заявления об идентичности, о связях с другими и программные заявления. Лучевский с коллегами следуют здесь методологии Ч. Тилли, заимствуя у него также концепцию WUNC-дисплея идентичности (*Worthy, United, Numerous, Committed* — достойные, единые, многочисленные, приверженные [Tilly, 2005: 12]). Все музеи и памятники рассказывают свои истории об идентичности. Пропущенные через этот дисплей польские истории позволяют заключить, что созданные после 1989 г. SOMы транслируют WUNC-формулу полностью, представляя поляков акторами активного сопротивления, а не жертвами (Музей Варшавского восстания). В случае с немецкими SOMами формула оказывается по-разному усеченной: WUN относится к евреям и рисует их беспомощными жертвами, UNC относится к немцам-нацистам и немцам-коммунистам, WUC характеризует многочисленную оппозицию тем и другим (p. 14–15). Каждому варианту формулы сопоставлены свои SOMы, воплощающие историческую политику в двух странах.

Иржи Шубрт⁵ фактически тоже говорит о политике истории, описывая такие усилия чешского государства и других институций, как учреждение в 2007 г. Института исследований тоталитарных режимов (первоначально под названием

3. Аббревиатура, возможно, не самая удачная, поскольку уже занята «самоорганизующимися картами» (*Self-Organizing Map — SOM*) — понятие, используемое и в исследованиях памяти.

4. Словосочетание «места памяти», как известно, на английском фигурирует в разных вариантах, зачастую предпочтение отдается воспроизведению французского «*les lieux de memoire*» (Winter, 1997; Truc, 2011). Ж. Трюк считает, что более уместно было бы говорить об «узлах памяти», словосочетании, которое Нора также использует (Truc, 2011: 156, note 4). В рецензируемом сборнике «места памяти» присутствуют едва ли не во всех возможных написаниях: *sites, realms, places, loci*.

5. Позволим себе характеризовать статьи иногда не по порядку, для соблюдения тематической связности. И. Шубрт известен российскому читателю по ряду публикаций, в том числе: Шубрт, Пфайфрова, 2011.

«Институт национальной памяти»), специального журнала и, с 2008 г., цифрового архива. В создании последнего, помимо данного Института и Чешского радио, принимала участие неправительственная ассоциация «Post Bellum» — журналисты и историки, собирающие устные истории очевидцев. На сегодня у архива 21 партнер, включая немало зарубежных. «Каждый, кто присоединится со своей коллекцией, становится частью ОБЩЕСТВА ЕВРОПЕЙСКОЙ ПАМЯТИ», — сообщает сайт архива (Post Bellum, 2016). Шубрт оперирует понятиями «национальная память» и «историческое сознание», поясняя, что в текущих дискуссиях в Чехии историческое сознание понимается двояко: как набор сведений об истории, не предполагающий глубокого осознания, и как историческое мышление (р. 32). Именно этот последний подход взят за основу при анализе формирования взглядов на историю в Чешской Республике. Многочисленные количественные данные приводятся в трех таблицах и пяти графиках.

Михаил Черныш пишет о коллективной памяти и ее культурных предпосылках в России. Коллективная память определяется как совокупность концепций, целенаправленно создаваемых такими институциональными акторами, как государство, негосударственные организации и СМИ, а также людьми — носителями памяти (р. 18). Сегодня, как и в былые времена, коллективная память упорядочивает события по критериям добра и зла. По мере того как общество меняется, трансформируется и система категорий, на которой строятся оценки прошлых событий, вплоть до смены на прямо противоположные (р. 19–20). Ученый рассматривает коллективную память как языковую игру в ее связи с политическими интересами; с защитными психологическими механизмами; структурой идентичности; психологическими комплексами; историческими исследованиями, привлекающая примеры разных стран и эпох. Скажем, для конкретизации мысли Н. Смелзера о защитных интерпретациях болезненных исторических моментов, когда прошлая травма вытесняется из общественного сознания, Черныш, со ссылкой на А.-М. Тьесс, упоминает о сложном восприятии французами любых историй о насилии в колониях⁶. В современной России к таким вытесненным из памяти травмам автор относит сталинские репрессии и сотрудничество с Третьим рейхом накануне войны. Пожалуй, сегодня можно поспорить с утверждением автора о том, что «попытки отдельных интеллектуалов начать дискуссию по этим вопросам наталкиваются на индифферентность большей части общества» (р. 22). Среди трех различных способов воздействия профессиональных историков на коллективную память Черныш называет преподавание истории в школах.

Следующая часть — «II. Культурная память сквозь призму школьных учебников» — как раз касается этой темы (хотя учебники — конечно, еще не преподавание). П. Нора относит учебники, словари, хрестоматии к проходящим местам памяти, обусловленным педагогическими нуждами (Нора, 1999: 47). С 1981 г., когда

6. Петиция «Свободу исторической науке», дебаты по поводу «исторических законов» и др. коллизии во Франции конца 2000-х в статье А.-М. Тьесс (Тьесс, 2010), переведенной М. Чернышом, выглядят в наши дни весьма актуальными, особенно в контексте тем обсуждаемого сборника.

впервые вышла книга «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» Марка Ферро, тема учебников не перестает вдохновлять исследователей (см., напр.: Огоновская, 2011; Филиппова, 2011). В 2016 г. выставка «Разные войны: школьные учебники истории о Второй мировой войне», экспонируемая одновременно в России и Европе, сравнивает учебники для старшеклассников из Германии, Италии, Литвы, Польши, России и Чехии⁷. В такой все более плотный и взыскательный контекст попадают публикации социологов из России, Польши и Украины, помещенные в данном разделе.

Елизавета Полухина и Александр Малюгин делятся опытом применения дискурс-анализа репрезентаций Афганской войны в российских школьных учебниках, изданных с 1990 по 2010 г., всего 16 наименований, разбитых по периодам правления: Горбачева, Ельцина, Путина и Медведева. Кратко изложен конфликт вокруг учебника И. Долуцкого. Анализ осуществляется в соответствии с подходом Э. Лакло и Ш. Муфф; рисунок 4.1 поможет читателю соотнести базовые термины: *моменты* в рамках отдельных дискурсов, *внешние элементы*, плавающие в пространстве избыточных значений — *поле дискурсивности* (р. 49). Выделяя и сравнивая *узловые точки* в дискурсе каждого периода, авторы приходят к выводу об изменении источников *артикуляции* — исключении востребованного в перестройку диссидентского дискурса. В заключение Полухина и Малюгин напоминают о феномене «шапки Клементиса», отсылая к русскому переводу Ж.-Ж. Куртина (1999). Французский ученый использует почерпнутую у М. Кундеры историю о том, как изображение казненного в 1952 г. министра иностранных дел Чехословакии В. Клементиса было вымарано со знаковой фотографии, еще недавно его прославлявшей, для рассуждения о «порядке дискурса „государственных языков“, процеживающих воспоминания об исторических событиях» (Куртин, 1999: 95–96).

Если российские социологи констатируют сокращение поля интерпретаций исторических событий (р. 55–56), то в польских учебниках, по наблюдению **Илоны Голембевской**, напротив, заметна тенденция побуждать учащихся самостоятельно оценивать факты (р. 70), чем и отличался российский учебник Долуцкого, да и ряд других, созданных в то время. Исследовательница рассматривает характеристику событий Второй мировой войны: «освобождение Варшавы» 17 января 1945 г., Катынский расстрел (Katyn massacre) 1940 г. и Варшавское восстание 1944 г. — в 22 польских учебниках 1945–2011 гг. Выбор для анализа именно этих трех событий тщательно аргументируется. Наиболее значимые изменения в учебниках зафиксированы после 1989 г. Например, уже из названия главы учебника 1952 г. «Варшавское восстание. Попытка дипломатического саботажа. Провал планов захвата власти польской реакцией» (р. 67) явствует установка на классовый анализ, тогда как в новейших учебниках акцент сделан на борьбу за национальную независимость (р. 69).

7. Об открытии выставки в Екатеринбурге см.: Филиппова, 2016.

К аналогичному выводу на своем материале приходит **Оксана Даниленко**: в современных украинских учебниках конфликт между классами уходит на задний план, а «доминируют нарративы, изображающие различные способы обретения независимости» (р. 74). По сравнению с советскими временами изменилась не только трактовка, но и отбор событий, их детализация. Так, при рассказе о 1917 г. учебники теперь более подробно рассматривают Февральскую революцию, связанную с образованием независимой республики Украины, а события Октября считаются сугубо российскими и изложены скупо. Украинский социолог (О. Даниленко работает в Харьковском университете) прослеживает национальные издания не только во времени (1926–2011 гг.), но и сравнивает с белорусскими и российскими, рекомендованными к использованию в школах и вузах. В современных российских учебниках события 1917 г. ожидаемо трактуются в контексте «революционного кризиса в России», главные конфликты, способы их решения и последствия структурно воспроизводят логику советских учебников, хотя оценка разительно изменилась (р. 75). Методологией служит разработанный автором «нарратив-конфликтологический контент-анализ», на мой взгляд, более похожий на разновидность нарративного анализа, особенно с учетом опоры на «Нарратологию» Вольфа Шмида (а в монографии, к которой исследовательница отсылает за детальным описанием метода (Даниленко, 2007), также и на Ойгена Розенштока-Хюсси, Юрия Лотмана).

III часть «Репрезентации памяти в социальном пространстве» рассказывает о музеях и монументах, твердых «останках» (Нора), в отличие от «нетвердых» виртуальных музеев и архивов, о которых упоминал Шубрт и пойдет речь в следующем разделе. Пространство памяти в Афганском военном музее **Ирина Тартаковская** и **Елена Рождественская** анализируют в традиции музейных (шире — культуральных) исследований, сложившейся под влиянием идей де Соссюра и Фуко (см., напр.: Mason, 2006). Это единственный текст в сборнике, снабженный фотографиями, причем две из них занимают по целой странице — «типичный „Красный уголок“» (fig. 7.1, p. 91) и «типичная „Зона выживших“» (fig. 7.3, p. 93), все из музея в Перово, Москва, сделаны И. Тартаковской. Самым сильным решением наблюдаемых музейных экспозиций авторы считают зеркало, помещенное в такой же рамке, как и портреты погибших на «Стене скорби» (fig. 7.2, p. 92). Оно несет посетителям мощный эмоциональный посыл: и ты мог быть среди них (р. 94). Само изображение на первый взгляд может показаться неудачным: отблеск зеркала на картинке похож на дефект любительского фото. Приглядевшись, однако, читатель получает хороший импульс поразмышлять о засвеченном, в разных смыслах, — в музее, в тексте — присутствию/отсутствию исследователя.

Для меня укол-пунктумом, в бартовском смысле, стал персонаж «Зоны выживших» (fig. 7.3, p. 93). Это фигура-призрак, возникающая из надетых на вешалку-шесть тельняшки с камуфляжной жилеткой, костылем под мышками и протезами вместо ног. Заломленный набок берет, поза по стойке «вольно» и прислоненная рядом гитара (сливаясь с другим экспонатом, она сначала кажется огромной бала-

лайкой) создают образ не пафосный, а скорее залихватский, конечно, если вынести за скобки абсурд и ужас, сквозящие там в каждом знаке. Слева в кадр попадает уходящее вглубь пространство помещения, тем самым закуток с манекеном еще больше выталкивается на первый план и жутковатый призрак предстает в своей коробочке, как будто в витрине, готовый к безопасному потреблению. (Другим пунктуом, забегая вперед, оказалась первая же фотография, открытая на указанном Е. Рождественской сайте-мартирологе челябинских афганцев.)

Эва Кристина Селлава-Колбовска предпринимает попытку социологического описания процесса создания локальной культурной памяти Второй мировой войны в Варшаве. Название ее текста «Война после войны...» продолжает тему конфликта интерпретаций, обозначенную в других статьях сборника. Комплекс исследовательских вопросов таков: «Чем становится прошлое в коллективных практиках и коллективной памяти и какого рода интерпретации создаются, набирают силу и институционализируются — когда, кем и с какой целью?» (р. 99). Для анализа выбрано около дюжины памятников, связанных с двумя событиями, которые автор считает показательными с точки зрения материальных проявлений процесса коммеморации. Это Варшавское восстание 1944 г. и событие, закавыченное у И. Голембевской как «освобождение Варшавы» (р. 61), а у Селлавы-Колбовской названо «окончанием немецкой оккупации» — 17 января 1945 г. (р. 99) (о роли номинаций читатель помнит из статьи Черныша). Установленные в послевоенной Польше мемориалы соответствовали двум табу: не отзываться плохо о Советском Союзе и хорошо о Варшавском восстании (р. 100). Судьба памятников рассматривается сквозь призму противоположных мемориальных установок: *vae victis*, горе побежденным, и *gloria victis*, слава побежденным. Автор подчеркивает, что произошедшие после 1989 г. изменения в стране не повлекли за собой «смертного приговора» просоветским монументам в Варшаве, их не разрушали и никуда не переносили; в том числе и памятник Советско-Польскому братству по оружию («Четверо спящих»), что не соответствует действительности с 2011 г., когда мемориал был демонтирован⁸.

Мемориальный ландшафт города стал меняться с 1956 г., а после 1989 г. освобождение Варшавы было переопределено как порабощение, что придало иное значение и памятникам. Варшавское восстание теперь отмечено в 355 местах, главным образом мемориальными досками, память о нем «становится видимой и доминирует в городском пространстве» (р. 106). На сегодняшний день разногласия существуют не столько между властями и населением, сколько между различными группами людей — носителей несовпадающей памяти. Другой проблемой является выходящая наружу после долгих лет подавления «плохая» коллективная память (р. 108), о чем много пишет и А. Ассман, на которую среди прочих Э. К. Селлава-Колбовска здесь ссылается.

8. Благодарю за консультацию К. Нендза-Шикониовску (см.: Нендза-Сіконьовська, 2016).

Статья **Анны Стрельниковой** посвящена российским военным мемориалам. Выработанные для увековечивания Второй мировой контексты освобождения и спасения оказываются неприменимы к Афганской войне, лишая соответствующие памятники необходимых рамок памяти, в смысле М. Хальбвакса. Особенности памяти об этом событии, взаимосвязанные с размытой идентичностью «афганцев», находят отражение в проведенных с ветеранами Афганистана интервью и фокус-группах с 18-летними молодыми людьми (р. 112–113). Утверждение о периодических новостных сообщениях про разрушение афганских монументов представляется преувеличением, во всяком случае, из пяти сайтов, на которые ссылается автор (р. 116–117), только на одном обнаружился сюжет об утрате самодельного памятника (Рузанова, 2010).

По мере того как военные монументы теряют свое значение в городском пространстве, популярность приобретают новые развлекательные скульптуры (р. 119). Эта ситуация на первый взгляд противоречит насыщению польских городов памятными знаками о недавнем прошлом. Селлава-Колбовска, однако, тоже пишет, что «Четырех спящих» как будто «разоружили», для местных жителей монумент служил в большей степени привычным ориентиром, чем средоточием идеологических смыслов (р. 102). Можно предположить, что не только новые сооружения, вроде памятника Курской антоновке, призваны привлекать туристов, служить фоном для фотографирования, предоставлять возможность присесть и отдохнуть — подобный функционал постепенно приобретают и все остальные мемориалы (см., напр.: Рузанова, 2010).

Последние две части сборника объединяют размышления российских социологов относительно памяти об Афганской войне с точки зрения нарративизации (ч. IV) и гендерной проблематизации (ч. V). Общими сюжетными линиями анализа выступают идентичность «афганцев» через противопоставление «другим», замкнутость этой группы на себя и внутренняя неоднородность. При всей весомости проделанной авторами работы остается все-таки ощущение, что они не (вполне) рефлексивно воспроизводят «текущие установки» (р. 139) в отношении Афганской войны: забытая, странная, чужая война на чужой земле, война с неясной целью и непонятым противником.

Виктория Семенова («„Раненая память“ и коллективная идентичность»), как и Е. Рождественская в своей статье в данном разделе и других трудах, интерпретирует нарушение связности/когерентности в рассказах ветеранов как проявление пережитой травмы. «Раненая память» в заглавии помещает текст Семеновой в фарватер влиятельного направления, в рамках которого прорабатывается наследие П. Рикера (см., напр.: Fowler, 2005; Phillips, 2011). Помимо связки «память/идентичность» в данной статье — это рикеровская память-долг — «моральные аспекты мемориальной идентичности», «недостаточность памяти» (р. 135, 136) и т. п. Мир «других», которые «не хотят слышать» и «не могут понять», — это фактически весь публичный и официальный дискурс в отношении этой войны, в противостоянии которому выстраивается идентичность «афганцев» (р. 130–131).

Елена Рождественская («Афганские ветераны: резонанс памяти») отталкивается от работы американских социологов Элизабет Армстронг и Сюзанны Крейг, вводящих такие важные понятия, как «коммеморабельность», «мнемоническая способность» и др. (Armstrong, Crage, 2006). Проанализированные в данном ключе 18 интервью с членами «коммеморативной группы» (по самоназванию — патриотического объединения) «Панджшер» обнаруживают систематические различия в мнемонических способностях и ресурсах ветеранов (р. 141). Хотя ни один из информантов не сумел дискурсивно связать свою довоенную жизнь, военный опыт и послевоенную адаптацию в когерентный жизненный путь, офицеры демонстрируют больший ресурс для связности благодаря образованию, профессиональной социализации, однако и в их случае воинская идентичность затмевает всякий иной опыт (р. 144). (Здесь уместно было бы уточнить, как строилось взаимодействие с интервьюируемыми. Если на них вышли через ветеранскую организацию и пригласили к участию в исследовании именно в качестве «афганцев», то вполне закономерно, что они строят свой рассказ вокруг этого опыта.) Поскольку исследовательница считает принципиальной достигнутой в современной социологии памяти перформативную реконцептуализацию коллективной памяти как коллективного действия, она подчеркивает, что рассказы руководителей сообщества ветеранов «содержат больше описаний их мемориализационных действий, идеологий, трудностей в их осуществлении и усилий по управлению процессами через личное участие» (р. 140).

Вторая часть статьи знакомит с анализом 117 некрологов с мемориального сайта Челябинской области (afgan.ru, 2016)⁹. Автор рассматривает структуру некрологов и возможности индивидуализирующих добавлений, отдельно выделяя примеры этико-семантической аскрипции, обосновывающей смысл индивидуальной и коллективной жертвы во исполнение «интернационального долга». Мотив помощи соседней стране как акт справедливости, по мнению автора, обнажает архетипическую крестьянскую формулу «помочь попавшему в беду соседу» (р. 147, 150).

Некрологи служат объектом возрастающего интереса ученых (см., напр.: Fowler, 2005; Орлова, 2009; 2013; Рейтблат, 2013; Разумова, 2015), однако нужно учитывать, что материалы указанного Рождественской интернет-ресурса в основе своей — записи в «Книге памяти о советских воинах, погибших в Афганистане» (Бологов и др., 1995–1999)¹⁰. Стоит зайти на этот сайт, чтобы оценить усилия энтузиаста-администратора, создающего на основе этой книги расширенную базу

9. Принципы отбора не поясняются, так что остается неясным, почему выбор пал именно на этот сайт и указанную совокупность текстов: общее ли это количество на момент исследования или каким-то образом сформированная выборка. В августе 2016 г. в Челябинском разделе значится 171 имя.

10. Различия официальной и неофициальной публичной памяти явствуют уже из названия этой книги: для официальной версии важно, что это *советские* воины, для «народной» — это павшие со всей большой страны. Кроме того, используемое на ветеранских сайтах название «Всесоюзная книга памяти павших на Афганской войне» прямо говорит о войне, тогда как в официальном названии речь идет о «погибших в Афганистане», слово «война» опущено.

данных о павших на Афганской войне, его призывы присылать воспоминания и фотографии, дабы исправлять неточности и «откровенную ложь».

О ветеранских веб-сайтах в рецензируемом сборнике повествует статья **Ирины Ксенофоновой** («Ветеранские веб-сайты как зеркала забытой войны»), которую она посвятила своему отцу, ветерану советской войны в Афганистане. Автор относит свое исследование к набирающему популярность домену нетнографии, изучения онлайн-сообществ и виртуальной памяти. Включенные в исследование 27 сайтов были найдены по ключевым словам («Афганская война», «ветераны Афганской войны» и др.) и далее через перекрестные ссылки. Автор делит эти ресурсы на два типа и прослеживает их отличия — сайты организаций и неофициальные странички, созданные отдельными людьми или группами. Думается, здесь можно говорить о проявлениях официальной и неофициальной памяти, присутствующих в публичном интернет-пространстве. Отдельно Ксенофопова упоминает графический дизайн, как правило, использующий советскую символику, в духе ностальгических советских сообществ (р. 153). Социолог рассматривает ветеранские веб-сайты с точки зрения их функций: как пространство памяти (виртуальные архивы и мемориалы), виртуальные музеи, средства распространения знаний и пространства солидарности. Если статьи, построенные на биографических интервью, насыщены цитатами из транскриптов, то в данном случае приводятся выдержки из текстов анализируемых интернет-ресурсов.

Текст **Ирины Тартаковской** в разделе V «Память и гендер» озаглавлена «Конструирование маскулинности из духа войны», аллюзия на трактат Ницше задает тон обсуждению драматически противоречивой природы разбираемой социальной конструкции. Автор исходит, во-первых, из принятого в гендерных исследованиях понятия гегемонистической маскулинности по Т. Карригану, Р. Коннеллу и Дж. Ли как «системы практик, посредством которых определенные группы мужчин достигают позиции власти и благосостояния, а также производят и легитимируют социальные взаимоотношения, поддерживающие их господство», во-вторых, из понятия позднесоветского «кризиса маскулинности» (р. 163). Гегемонистическая маскулинность имеет смысл только относительно «других», ею не обладающих. Враги эту роль исполняют лишь отчасти, в Афганистане это были абстрактные дегуманизированные «духи». Главные «другие» — это товарищи по оружию, стоящие ниже в формальных и неформальных армейских иерархиях, как правило, новички (р. 167–168). Тартаковская, как и Рождественская, анализирует характерные различия между позициями кадровых военных и служащих срочной службы, однако о важности воинского братства говорят и те и другие. Воспоминания этого периода жизни становятся уникальным звеном маскулинной идентичности.

Александрина Ваньке пытается увязать тело, память и эмоции мужчин, приобретших непосредственный опыт войны. Ключом к решению этой задачи служат восходящее к П. Бурдьё понятие «габитусная память», разрабатываемое немецким социологом Алоисом Ханом, и философия телесной памяти Дитмара Кампера.

Интегрируя эти подходы, Ваньке формулирует свое определение телесной памяти — это «память, которая активируется в определенном месте и времени с помощью таких телесных воспоминаний, как боль ран, видимые шрамы, позы, воплощенные навыки и умения» (р. 178)¹¹. По мнению автора, главным элементом, структурирующим телесную память, является смерть. А главным локусом исследовательница считает кожу, этот «естественный материал для записи событий войны, а потому материал для регистрации и воплощения памяти», тело в буквальном смысле превращается в пишущую машину (р. 181, 182). Этими метафорами Ваньке пробуждает сонмище теоретических и литературных ассоциаций, начиная с трудов уже упомянутых авторов¹² и заканчивая, скажем, работой британского географа С. Пайла, который в психоаналитическом ключе изобретательно описывает пространственность кожи, милитаризованные тела и т. п. (Pile, 2011). Статья содержит типологию мест концентрации телесной памяти (от ран до татуировок) и уровней регуляции эмоциональности.

* * *

Настойчивая артикуляция мужского в последнем тексте заставляет задуматься о ролевом взаимодействии женщин-исследовательниц со своими информантами-мужчинами, в целом о позиции социолога на минном поле травмированной памяти. Признаться, мне не хватило проблематизации «режима „холодных очей“», впечатляющий пример которой можно найти у Рождественской в другом месте (Рождественская, 2011: особ. с. 96–97; см. также: Семенова, 2011: 69). Речь не идет о том, чтобы объять необъятное, однако то, что в целом в книге есть, ее замысел и содержательное наполнение, — все это лучше видно по контрасту с тем, что в ней отсутствует или затронуто лишь по касательной. Отсюда представляется небесполезным обозначить некоторые такие отсутствия.

Во-первых, заявленный фокус на Восточной Европе (р. 1)¹³, вероятно, обусловил отсутствие каких-либо обращений к *глобальной памяти*, сам феномен и концепция которой возникли из событий Второй мировой войны. Анализ ветеранских веб-сайтов и интернет-сообществ, как кажется, тоже «просит» привлечения подобных исследований относительно других войн в других странах.

11. О телесной памяти ветеранов см. блестящий фрагмент у Ф. Николаи: Николаи, 2016: 247.

12. «Вжигать, дабы осталось в памяти», — цитирует Д. Кампер «К генеалогии морали» Ницше и подытоживает: «Материалом для такой жестокой работы припоминания... служит прежде всего человеческое тело, поверхность кожи, на которой сама мнемотехника как бы миметически инкорпорируется» (Кампер, 2010: 41).

«Письмена, которыми большинство сообществ гравировало тела своих членов, — это боль. Она была... наиболее распространенным грифелем для этой цели» (Хан, 2011: 127–128). Рассказ Кафки «В исправительной колонии», где описана специальная машина для нанесения фразы приговора на тело осужденного, как будто предвосхищает эти ученые рассуждения.

13. Понятие «Восточная Европа» приводится авторами без оговорок относительно специфики его сконструированности, как это становится принято в современных публикациях; впрочем, в книге оно почти не используется.

«Коллективная память о войне», впрочем, содержит точки доступа к этой теме. У Семеновой есть отсылка к войне во Вьетнаме, у Селлава-Колбовской встречаем момент согласования масштабов: рассуждая о том, как важно разобраться с историей на «своем заднем дворе», она считает это залогом успешных решений и в «наднациональных масштабах» (р. 108–109). Черныш, хотя и обещает в заголовке статьи обращение к сугубо российским реалиям, формулирует на самом деле универсальные закономерности, отправляя читателя в своих примерах, как уже говорилось, то в Штаты, то во Францию или Германию...

В том, что касается масштаба самой Восточной Европы, он соблюден лишь номинально, поскольку большинство авторов работают с ситуацией каждый в своей стране, без каких-либо кросс-референций. Это особенно бросается в глаза на фоне двух статей, которые, напротив, сделали своим предметом сравнение (исторической политики в Польше и Германии и учебников в нескольких странах).

Во-вторых, временной фокус наведен на достаточно близкие события, участники и свидетели которых еще не ушли из жизни. Наряду с коммуникативной памятью в книге много говорится об оседании коммемораций в паттернах культурной памяти, однако о специфических особенностях *пост-памяти* практически ничего нет, только проходная ремарка в заключении у Селлава-Колбовской (р. 108).

Поле пересечения глобальной и пост-памяти является современная медиатизация. В статьях про ветеранские веб-сайты есть подступы к этой проблематике, Ксенофонтова пишет о наполненности сайтов старыми фотографиями, картами и т. п., однако ничего не говорится о мультимодальности — интеграции вербального, визуального, аудиального в объекте и методе исследования (Kress, van Leeuwen, 2001; Jones, 2012).

В-третьих, в сборнике довольно много касаний темы советского: она явственно присутствует в статьях раздела о памяти и гендере, вмурована в (про-)советские мемориалы, мимолетно задета в «ностальгических сообществах».

Эти пункты следует считать не столько «недостачей», сколько возможными расширениями богатой тематики «Коллективной памяти о войне».

В тексте встречаются мелкие технические небрежности, порой затрудняющие восприятие: опечатки в ссылках и библиографическом описании (неверно указаны год для статьи Г. Люббе [р. 23, 29], страница либо год для публикации Дж. Олика [р. 139]) и транслитерации литературы (р. 81). Пожелавший воспользоваться алфавитным индексом читатель на стр. 126, указанной для Алейды Ассман, обнаружит ссылку не на нее, а на Яна Ассмана, тогда как в действительности отсылки к ее работам присутствуют на страницах 11 и 108. Наконец, определенно не на пользу дела служит превращение «узловых точек» в дискурс-анализе по Э. Лакло и Ш. Муфф из «nodal points» в «branch points»; «дискурсивности» из «discursivity» — в «discursiveness». Новоявленные термины просто отсутствуют и в первоисточнике, и в изложении данного метода в руководстве М. Йоргенсен и Л. Филлипс (Laclau, Mouffe, 2001; Jørgensen, Phillips, 2002), к которым отсылают читателя авторы.

В целом книга оставляет самое благоприятное впечатление. Затрагивая многие важные пружины коллективной памяти, она вносит значимый вклад в быстрорастущий корпус работ по изучению памяти в ее различных масштабах.

Литература

- Бологов В. И. и др.* (ред.). (1995–1999). Книга памяти о советских воинах, погибших в Афганистане. В 2-х тт. М.: Военное издательство.
- В.И.О. (2014). Манифест Вольного исторического общества. URL: <http://volistob.ru/static/manifest-vio> (дата доступа: 12.08.2016).
- Даниленко О. А.* (2007). Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории — к формированию социокультурных идентичностей. Вильнюс: ЕГУ.
- Кампер Д.* (2010). Знаки как шрамы: графизм боли // *Кампер Д.* Тело. Насилие. Боль / Пер. с нем. Ст. В. Савчука. СПб.: Изд-во РХГА. С. 30–46.
- Куртин Ж.-Ж.* (1999). Шапка Клементиса: заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе / Пер. с франц. И. Н. Кузнецовой // *Серво П.* (ред.). Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс. С. 95–104.
- Мазуркевич С.* (2015). Военное кладбище на Повонзках в Варшаве. Повстанческие участки. URL: http://www.sppw1944.org/index.html?http://www.sppw1944.org/pamiec/cmentarz_ru.html (дата доступа: 12.08.2016).
- Нендза-Сіконьовська К.* (2016). «Іронія та сміх є найкращими засобами боротьби із залишками тоталітаризму». URL: <http://tyzhden.ua/Culture/160878> (дата доступа: 12.08.2016).
- Николаи Ф. В.* (2016). Память, нарратив и тактики самоидентификации ветеранов локальных конфликтов в России // *Диалог со временем.* Вып. 54. С. 238–250.
- Нора П.* Между памятью и историей: проблематика мест памяти // *Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М.* Франция-память / Пер. с франц. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Огоновская И. С.* (2011). Школьный учебник отечественной истории: учебные издания как исторический источник // *Документ. Архив. История. Современность.* Вып. 12. С. 264–286.
- Орлова Г.* (2009). Биография (при) смерти: заметки о советском политическом некрологе // *Неприкосновенный запас.* № 2. С. 188–202.
- Орлова Г.* (2013). Смерть как биографический факт: об одном утраченном мотиве малого политического некролога // *Притыкина Т. Б.* (ред.). Право на имя: биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иоффе: избранное. 2003–2012. СПб.: Норма. С. 615–623.
- Разумова И.* (2015). Танатологические мотивы в документальных текстах о времени социалистического строительства в Заполярье // *Громов Д. В.* (ред.). Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре. М.: ИЭА РАН. С. 111–131.

- Рейтблат А. (2013). Некролог как биографический жанр // *Притыкина Т. Б.* (ред.). Право на имя: биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иоффе: избранное. 2003–2012. СПб.: Норма. С. 624–632.
- Рождественская Е. (2011). «Обыкновенный» Холокост, или Биография выжившего // *Ярская В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р.* (ред.). Власть времени: социальные границы памяти. М.: Вариант. С. 88–100.
- Рузанова Н. (2010). Крушение. Памятник афганской войны отправлен в металлолом // *Российская газета — Неделя: Сибирь.* № 5282. URL: <https://rg.ru/2010/09/09/reg-sibir/pamyat.html> (дата доступа: 12.08.2016).
- Тьесс А. М. (2010). Использование национальной истории в политических целях: на примере современной Франции / Пер. с франц. М. Ф. Черныша // *Социологический журнал.* № 1. С. 92–103.
- Филиппова О. А. (2011). Школьные буквари: политика идентичности в советской и независимой Украине // *Ярская В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р.* (ред.). Власть времени: социальные границы памяти. М.: Вариант. С. 207–221.
- Филиппова Т. (2016). «Разные войны» — одна победа. URL: <http://yeltsin.ru/news/raznye-voyny-odna-pobeda/> (дата доступа: 12.08.2016).
- Шубрт И., Пфайфферова Ш. (2011). Рамки и места коллективной памяти: старая тема, новые взгляды // *Личность. Культура. Общество.* Т. 13. Вып. 1. С. 77–85.
- afgan.ru (2016) Павшие в Афганской войне. Челябинская область. URL: http://afgan.ru/memorial/afganistan-pavshie_chelyabinsk.html (дата доступа: 03.08.2016).
- Armstrong E. A., Cage S. (2006). Movements and Memory: The Making of the Stonewall Myth // *American Sociological Review.* Vol. 71. № 5. P. 724–751.
- Fowler B. (2005). Collective Memory and Forgetting: Components for a Study of Obituaries // *Theory, Culture & Society.* Vol. 22. № 6. P. 53–72.
- Jones R. H. (2012). Multimodal Discourse Analysis // *Chapelle C. A.* (ed.). *The Encyclopedia of Applied Linguistics.* Oxford: Wiley-Blackwell.
- Jørgensen M., Phillips L. (2002). *Discourse Analysis as Theory and Method.* London: SAGE.
- Kress G., van Leeuwen T. (2001). *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication.* London: Edward Arnold.
- Laclau E., Mouffe Ch. (2001). *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics.* London: Verso.
- Mason R. (2006). Cultural Theory and Museum Studies // *Macdonald S.* (ed.) *A Companion to Museum Studies.* Oxford: Blackwell. P. 17–32.
- Phillips D. (2011). Wounded Memory of Hazara Refugees from Afghanistan Remembering and Forgetting Persecution // *History Australia.* Vol. 8. № 2. P. 177–198.
- Pile S. (2011). Spatialities of Skin: The Chafing of Skin, Ego and Second Skins in T. E. Lawrence's *Seven Pillars of Wisdom* // *Body and Society.* Vol. 17. № 4. P. 57–81.
- Post Bellum. (2016). Co je Paměť národa. URL: <http://www.pametnaroda.cz/page/index/title/what-is-memory-of-nations> (дата доступа: 12.08.2016).
- Tilly Ch. (2004). *Social Movements, 1768–2004.* Boulder: Paradigm.

- Truc G. (2011). Memory of Places and Places of Memory: For a Halbwachsian Socio-Ethnography of Collective Memory // *International Social Science Journal*. № 62. P. 147–159.
- Winter J. (1997). Review: Pierre Nora, ed., *Realms of Memory: Rethinking the French Past, Vol. 1: Conflicts and Divisions* (New York: Columbia University Press, 1996) // H-France, H-Net Reviews. October. URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=1354> (дата доступа: 12.08.2016).

Nodes and Springs of Memory

Natalya Veselkova

Associate Professor, Department of Applied Social Studies, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University

Address: Mira str., 19, Ekaterinburg, Russian Federation 620002

E-mail: vesselkova@yandex.ru

The edited volume *Collective Memories in War* (2016), published by the European Sociological Association, is released in the Studies in European Sociology series, and introduces English-speaking readers with memory research in Russia and Poland (the majority of authors is represented by these countries), as well as the Czech Republic and Ukraine. The focus of the foreign authors is the policy of history and memory of various aspects of the Second World War, while the Russian sociologists primarily analyze the collective memory of the Soviet war in Afghanistan. The theoretical and methodological bases of the research are classics of Memory Studies (M. Halbwachs, P. Nora, J. Assman), the critical theory ideas of A. Gramsci, M. Foucault, and others, some articles using the conceptions of social movements and identity, trauma, the theory of language games, habitual memory, and so on. The empirical research is made using the following qualitative and quantitative methodologies: surveys with national samples in Poland and the Czech Republic, focus groups, observation, and biographical interviews. The five sections of the book contain articles on the politics of history and historical consciousness research with an emphasis on changes since 1989, the narrating of memories, studying urban war memorials, and museums' and veterans' websites. Separate sections are devoted to the analysis of modern history textbooks in different countries, and to gender issues.

Keywords: collective memory, policy of history, Second World War, Afghan War, places of memory, narrativization of memory

References

- afgan.ru (2016) Pavshiye v Afganskoy voyne: Chelyabinskaya oblast' [The Fallen in the Afgan War: Chelyabinsk Region]. Available at: http://afgan.ru/memorial/afganistan-pavshie_chelyabinsk.html (accessed 3 August 2016).
- Armstrong E. A., Crage S. (2006) Movements and Memory: The Making of the Stonewall Myth. *American Sociological Review*, vol. 71, no 5, pp. 724–751.
- Bologov V. et al. (eds.) (1995–1999) *Kniga pamyati o sovetskikh voynakh, pogibshikh v Afganistane* [Memory Book of Soviet Soldiers Fallen in Afghanistan], Moscow: Military Publishing House.
- Courtine J.-J. (1999) Shapka Klementisa: zametki o pamyati i zabvenii v politicheskom diskurse [Clementice Hat: Notes on Memory and Oblivion in the Political Discourse]. *Kvadratura smysla*:

- francuzskaja shkola analiza diskursa* [Quadrature of Meaning: French School of Discourse Analysis] (ed. P. Sériot), Moscow: Progress, pp. 95–104.
- Danilenko O. (2007) *Yazyk konflikta v transformiruyushchemsya obshchestve: ot konstruirovaniya istorii — k formirovaniyu sotsiokul'turnykh identichnostey* [Language of Conflict in a Transformed Society: From History Construction to the Formation of Social and Cultural Identities], Vilnius: EHU.
- FHS (2014) Manifest Vol'nogo istoricheskogo obshchestva [Free Historical Society Manifesto]. Available at: <http://volistob.ru/static/manifest-vio> (accessed 12 August 2016).
- Filippova O. (2011) Shkol'nyye bukvari: politika identichnosti v sovetskoy i nezavisimoy Ukraine [School Primers: Politics of Identity in Soviet and Independent Ukraine]. *Vlast' vremeni: sotsial'nyye granitsy pamyati* [The Power of Time: Social Borders of Memory] (eds. V. Iarskaia, E. Iarskaia-Smirnova), Moscow: Variant, pp. 207–221.
- Filippova T. (2016) "Raznyye voyny" — odna pobeda ["Different Wars" — One Victory]. Available at: <http://yeltsin.ru/news/raznye-voyny-odna-pobeda/> (accessed 12 August 2016).
- Fowler B. (2005) Collective Memory and Forgetting: Components for a Study of Obituaries. *Theory, Culture & Society*, vol. 22, no 6, pp. 53–72.
- Jones R. H. (2012) Multimodal Discourse Analysis. *The Encyclopedia of Applied Linguistics* (ed. C. A. Chapelle), Oxford: Wiley-Blackwell.
- Jørgensen M., Phillips L. (2002) *Discourse Analysis as Theory and Method*, London: SAGE.
- Kamper D. (2010) Znaki kak shramy: grafizm boli [Signs as Scars: The Grafism of Pain]. *Telo. Nasilie. Bol'* [Body. Violence. Pain], Saint Petersburg: RCHA, pp. 30–46.
- Kress G., van Leeuwen T. (2001) *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*, London: Edward Arnold.
- Laclau E., Mouffe Ch. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*, London: Verso.
- Mason R. (2006) Cultural Theory and Museum Studies. *A Companion to Museum Studies* (ed. S. Macdonald), Oxford: Blackwell, pp. 17–32.
- Mazurkiewicz S. (2012) Voennoye kladbishche na Povożkach v Varshave. Povstancheskiye uchastki [Military Cemetery in Powązki, Warsaw. Rebel Areas]. Available at: http://www.sppw1944.org/index.html?http://www.sppw1944.org/pamiec/cmentarz_ru.html (accessed 12 August 2016).
- Neđza-Sikoniewska K. (2016) "Ironija ta smih e najkrashhimi zasobami borot'bi iz zalishkami totalitarizmu" ["The irony and laughter are the best means to deal with the remnants of totalitarianism"]. Available at: <http://tyzhden.ua/Culture/160878> (accessed 12 August 2016).
- Nickolai F. (2016) Pamyat', narrativ i taktiki samoidentifikatsii veteranov lokal'nykh konfliktov v Rossii [Memory, Narration, and the Tactics of Self-identification of the Veterans of Local Conflicts in Russia]. *Dialogue with Time*, no 54, pp. 238–250.
- Nora P. (1999) Mezhdru pamyat'yu i istoriyey: problematika mest pamyati [Between Memory and History: Problematics of the Places of Memory]. *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory], Saint Petersburg: SPSU, pp. 17–50.
- Ogonovskaya I. (2011) Shkol'nyy uchebnyk russkoy istorii: uchebnyye izdaniya kak istoricheskiy istochnik [School Textbook of Russian History: Educational Publications as a Historical Source]. *Document. Archive. History. Modernity*, no 12, pp. 264–286.
- Orlova G. (2009) Biografiya (pri) smerti: zametki o sovetskom politicheskom nekrologe [(At) Death Biography: Notes about the Soviet Political Obituary]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2, pp. 188–202.
- Orlova G. (2013) Smert' kak biograficheskiy fakt: ob odnom utrachennom motive malogo politicheskogo nekrologa [Death as a Biographical Fact: Of a Lost Motive for Small Political Obituary]. *Pravo na imya: biografika XX veka. Chteniya pamyati Veniamina Ioffe: Izbrannoye. 2003–2012* [Right to a Name: Biography of the 20th Century. Readings in Memory of Veniamin Ioffe: Selected Papers, 2003–2012], Saint Petersburg: Norma, pp. 615–623.
- Phillips D. (2011) Wounded Memory of Hazara Refugees from Afghanistan Remembering and Forgetting Persecution. *History Australia*, vol. 8, no 2, pp. 177–198.
- Pile S. (2011) Spatialities of Skin: The Chafing of Skin, Ego and Second Skins in T. E. Lawrence's *Seven Pillars of Wisdom*. *Body and Society*, vol. 17, no 4, pp. 57–81.

- Post Bellum. (2016). Co je Paměť národa. Available at: <http://www.pametnaroda.cz/page/index/title/what-is-memory-of-nations> (accessed 12.08.16).
- Razumova I. (2015) Tanatologicheskiye motivy v dokumental'nykh tekstakh o vremeni sotsialisticheskogo stroitel'stva v Zapolyar'ye [Thanatological Motives in Documentary Texts about the Time of Socialist Construction in the Arctic]. *Memento Mori: pokhoronnyye traditsii v sovremennoy kul'ture* [Memento Mori: Funeral Traditions in Modern Culture] (ed. D. Gromov), Moscow: IEA RAN, pp. 111–131.
- Reytblat A. (2013) Nekrolog kak biograficheskiy zhanr [Obituary as a Biographical Genre]. *Pravo na imya: biografika XX veka. Chteniya pamyati Veniamina Ioffe: Izbrannoye. 2003–2012* [Right to a Name: Biography of the 20th Century. Readings in Memory of Veniamin Ioffe: Selected Papers, 2003–2012], Saint Petersburg: Norma, pp. 624–632.
- Rozhdestvenskaya E. (2001) "Obyknovennyy" Kholokost, ili Biografiya vyzhivshogo ["Ordinary" Holocaust; or, A Biography of a Survivor]. *Vlast' vremeni: sotsial'nyye granitsy pamyati* [The Power of Time: Social Borders of Memory] (eds. V. Iarskaia, E. Iarskaia-Smirnova), Moscow: Variant, pp. 88–100.
- Ruzanova N. (2010) Krusheniye. Pamyatnik afganskoy voyny otpravlennyy v metallolom [The Crash. Afghan War Monument Put to the Scrap]. *Rossiyskaya gazeta — Nedelya: Sibir'* [Russian Newspaper — Week: Siberia], no. 5282. Available at: <https://rg.ru/2010/09/09/reg-sibir/pamyat.html> (accessed 12 August 2016).
- Thiesse A.-M. (2010) Ispol'zovaniye natsional'noy istorii v politicheskikh tselyakh: na primere sovremennoy Frantsii [The Political Usage of National History in Modern France]. *Journal of Sociology*, no. 1, pp. 92–103.
- Tilly Ch. (2004) *Social Movements, 1768–2004*, Boulder: Paradigm.
- Truc G. (2011) Memory of Places and Places of Memory: For a Halbwachsian Socio-Ethnography of Collective Memory. *International Social Science Journal*, no 62, pp. 147–159.
- Winter J. (1997). Review: Pierre Nora, ed., *Realms of Memory: Rethinking the French Past, Vol. 1: Conflicts and Divisions* (New York: Columbia University Press, 1996). *H-France, H-Net Reviews*. October. Available at: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=1354> (accessed 12 August 2016).